

УДК 1(091)+378

И. Н. Сидоренко

Белорусский государственный университет

**ДИАЛЕКТИЧЕСКАЯ ВЗАИМОСВЯЗЬ ИСТОРИЧЕСКОЙ ПАМЯТИ И ЗАБВЕНИЯ
В КОНЦЕПЦИЯХ Ф. Р. АНКЕРСМИТА И А. АССМАН**

В статье осуществлена историко-философская реконструкция концепций исторической памяти Ф. Р. Анкерсмита и А. Ассман. Историческая память определяется как социальная, она присуща определенной социальной общности и функционирует в определенных социальных рамках, организуя повседневный опыт индивидов. Историческая память является важнейшим элементом культуры, выступающим основой для создания ценностей и смыслов и их транслятором будущим поколениям. Историческая память задает единый пространственно-временной континуум социального бытия как индивида, так и социальной группы, оказывая влияние на развитие человека и общества. В статье аргументируется идея о диалектической природе исторической памяти, ее динамичном осуществлении между двумя полюсами: памятование и забвение. Показывается как деструктивная, так и конструктивная роль забвения в процессе конструирования исторической памяти. Позитивность забвения проявляется в том, что оно, с одной стороны, является фильтром памяти, а с другой, маркером того события, о забвении которого всегда необходимо помнить. Общий вывод статьи заключается в том, что историческая память – это результат социального конструирования. Диалектическая взаимосвязь исторической памяти и забвения – это творческий процесс, открывающий для человека возможность быть причастным к истории своего народа.

Ключевые слова: историческая память, коммуникативная память, коллективная память, забвение, диалектика, возвышенный исторический опыт, травма.

Для цитирования: Сидоренко И. Н. Диалектическая взаимосвязь исторической памяти и забвения в концепциях Ф. Р. Анкерсмита и А. Ассман // Труды БГТУ. Сер. 6, История, философия. 2023. № 1 (269). С. 170–175. DOI:10.52065/2520-6885-2023-269-1-31.

I. N. Sidorenko

Belarusian State University

**THE DIALECTICAL RELATIONSHIP OF HISTORICAL MEMORY AND OBLIVION
IN THE CONCEPTS OF F. R. ANKERSMIT AND A. ASSMANN**

The author of this article performed historical and philosophical reconstruction of the concepts of historical memory by F. R. Ankersmit and A. Assmann. This allowed us to define historical memory as social, to show that it is inherent in a certain social community and functions within certain social frameworks, organizing the everyday experience of individuals. Historical memory is the most important element of culture, serving as the basis for the creation of values and meanings and their transmission to future generations. Historical memory sets up a unified space-time continuum of social being of an individual as well as of a social group, influencing the development of a person and society. The author of this article argues the idea of dialectical nature of historical memory, its dynamic implementation between two poles: remembering and oblivion. The article reveals both destructive and constructive role of forgetting in the construction of historical memory. The positivity of oblivion is manifested in the fact that it, on the one hand, is a filter of memory, and on the other hand, a marker of the event, the oblivion of which is always to be remembered. The overall conclusion of the article is that historical memory is the result of social construction. The dialectical relationship between historical memory and oblivion is a creative process that opens up the possibility for individuals to be involved in the history of their people.

Keywords: historical memory, communicative memory, collective memory, oblivion, dialectic, sublime historical experience, trauma.

For citation: Sidorenko I. N. The dialectical relationship of historical memory and oblivion in the concepts of F. R. Ankersmit and A. Assman. *Proceedings of BSTU, issue 6, History, Philosophy, 2023*, no. 1 (269), pp. 170–175 (In Russian). DOI: 10.52065/2520-6885-2023-269-1-31.

Введение. Историческая память является важнейшим элементом культуры, выступающим основой для создания ценностей, смыслов

и их транслятором будущим поколениям. Она не представляет собой нечто неизменное и застывшее, напротив, она динамична, т. е. обладает

диалектической природой. Для раскрытия диалектической природы исторической памяти целесообразно обратиться к концепции голландского философа Франклина Рудольфа Анкерсмита и концепции немецкого историка и культуролога Алейды Ассман. Память – это не просто совокупность воспоминаний, а пространство, в котором только и возможно осуществление меморативных актов. Соответственно, память и история не находятся в оппозиции друг к другу, напротив, воспоминания осуществляются в пространстве напряжения между двумя полюсами: субъективным опытом и культурной коммеморацией. Такое напряжение проявляется на трех уровнях исторической памяти: коммуникативной, коллективной и культурной. При этом важно отметить, что вне социального взаимодействия, в социальном вакууме одинокий человек не может обладать памятью, так как воспоминания проявляются и оформляются только в процессе коммуникации с другими людьми; т. е. память связана с языком и вне языка ее нет, что не отрицает возможность невербальных воспоминаний.

Основная часть. Голландский философ Ф. Р. Анкерсмит анализирует историческую память сквозь призму концепта «исторический опыт». В работе «Возвышенный исторический опыт» исследователь предложил отказаться от помощи языка как инструмента-проводника по лабиринту культуры и истории и обратиться к непосредственному опыту восприятия прошлого, без которого невозможна история и историческая память [1]. В данном случае язык предстает как жесткая детерминирующая система, претендующая как на конструирование исторической реальности, так и ориентирующая на бесплодный поиск «прошлого самого по себе». Проблема заключается не столько в проблематичности ее окончательного решения, сколько в том, что такое девственное прошлое выступает как отчужденная от человека реальность, вызывающая ужас своей сверх- или внечеловеческой природой и открывающая человеку его бесперспективность в смерти. Перед таким ужасом истории, как встречи со смертью, человек оказывается по ту сторону языка, в состоянии онемения. Для Ф. Р. Анкерсмита истина в такой оценке языка и истории заключается в том, что «мы перестаем говорить, только когда умираем; когда нечего больше сказать, мы мертвы» [1, с. 6]. Именно поэтому голландский философ настаивает на возвращении в историю как науку и как нарратив исторического опыта. Только благодаря этому опыту история раскрывается как мир травмы и возвышенного, как нечто, что доступно восприятию, переживанию, а значит, пониманию, запоминанию и рассказу.

Основным тезисом Ф. Р. Анкерсмита стала мысль о том, что «наше отношение к прошлому определяется через боль и утрату» [1, с. 4]. В этом контексте значимыми оказываются две темы: проблема исторической истины и историческая репрезентация, анализ которых осуществляется через измерение исторического сознания и исторического понимания. В целом данная проблематика сводится у Ф. Р. Анкерсмита к вопросу о том, что означает для человека обладание историческим сознанием, или, другими словами, что человека заставляет осознавать прошлое. Благодаря концепту «возвышенный исторический опыт» голландский мыслитель попытался ответить на этот вопрос и показать, как и почему человек оказывается захваченным коллективным прошлым. Именно возвышенный исторический опыт конституирует прошлое как «неотвратимую» реальность и выступает инструментом для его осознания. Соответственно, посредством опыта прошлое становится частью нас самих, частью нашей телесности; в таком случае забвение прошлого правомерно определить как «интеллектуальную ампутацию». Получается, историческая память – это выражение нашей целостности.

Ф. Р. Анкерсмит провел различие между тремя типами исторического опыта: 1) объективный исторический опыт, под которым подразумевается представление людей прошлого (как объекта исторического исследования) о своем мире; 2) субъективный исторический опыт как «непосредственное соприкосновение не только с прошлым в его квазиоуменальном виде, но еще и с аурой утраченного мира» [1, с. 368]; 3) возвышенный исторический опыт как опыт обособления прошлого от настоящего, в котором только и возможно для прошлого обретения бытия. Человек ощущает себя частью того, что описывает, т. е. ощущает разлад между настоящим и прошлым и испытывает отчаяние, вызванное утратой привычного мира. Такой опыт отчаяния становится движущей силой для написания истории и ее объективации в историческую память. Приведем слова Ф. Р. Анкерсмита, раскрывающие суть возвышенного исторического опыта: «Прошлое рождается из травматического опыта историка, вступающего в новый мир и сознающего бесповоротную утрату прежнего мира. Тогда его сознание оказывается сценической драмой, на которой разыгрывается драма мировой истории. Тогда судьба цивилизации находит отклик в его уме...» [1, с. 368].

Целесообразно отметить, что четких границ между этими типами опыта нет, более того, возвышенный исторический опыт, сочетающий в себе два первых типа, является их своеобразным сплавом. Возвышенный исторический опыт –

это направленность на понимание, выражающаяся в ощущении настроения времени в акте «прислушивания» к нему, это резонанс с прошлым. В случае исторического опыта субъект и объект растворяются в самом опыте, и то, что оказывается за пределами этого опыта, для историка уже не существует и не имеет смысла. «Исторический опыт – это не возвращение к изначальной невинности, к состоянию, предшествовавшему историческому письму как такому; напротив, его следует расположить после или за пределами исторического письма. Возвышенное выходит на подмостки лишь тогда, когда все уже сказано и сделано; оно не имеет отношения к истокам, основаниям, первопричинам и т. д. Это знак завершения, достижения конца» [1, с. 384]. Ф. Р. Анкерсмит сравнивает возвышенный исторический опыт с открытием, который неожиданно обрушивается на нас. Такой опыт обладает «полнотой в себе», содержит в себе все смысловые источники и при этом свободен от контекста. Это чистое переживание прошлого и благодаря этому сопричастность прошлому – это высшая степень исторической интуиции. Чувства и настроения, согласно мысли Ф. Р. Анкерсмита, являются локусом исторического опыта. Возможно, поэтому мыслитель сравнивает историческое настроение с музыкой, а переживанием прошлого с переживанием произведения искусства.

Интересной в контексте проблематики исторического опыта и исторической памяти трактовка сути и роли забвения у Ф. Р. Анкерсмита. «Тот, кто требует от себя забыть, признается, что помнит» [1, с. 433]. Даже когда человек в отношении к своему прошлому пытается дистанцироваться от него или отделить часть исторического опыта от коллективной исторической идентичности, он вынужден помнить, удерживать в сознании то, что он забывает. Парадокс забвения заключается в том, что, стремясь забыть, человек оказывается тем, кем он уже больше не является, т. е. его идентичность конституируется отказом от прежней идентичности. Ф. Р. Анкерсмит высказал точку зрения о том, что наша идентичность находится в прошлом, она исторична и формируется как историческим опытом, так и забвением. Для того чтобы постичь чью-то коллективную идентичность, необходимо написать историю этой группы. Ссылаясь на идеи Ф. Ницше о забвении, суть которых кратко можно изложить следующим образом: забвение является условием успешного действия, знание же о прошлом парализует любое действие, приводит к пресыщению истории и невозможной потере коллективной идентичности [2], Ф. Р. Анкерсмит расширил понимание функциональной природы забвения.

Голландский мыслитель классифицировал четыре типа забвения: 1) забвение истории повседневности; 2) непреднамеренное забвение, предмет и смысл которого возможно раскрыть через психологический сдвиг: увидеть то, что ранее не замечалось, т. е. осуществить нечто наподобие психоанализа по отношению к историческому опыту и исторической памяти; 3) преднамеренное забвение прошлого, память о котором слишком болезненна. Результатом такого забвения становится вытеснение, диалектическая сущность которого заключается в том, что одновременно происходит как забвение, так и сохранение в памяти травматического опыта, так как невозможно забыть то, что требуется забыть. Перевод травматического опыта в область бессознательного приведет к его забыванию, но вместе с тем он сохраняется как память о том, что следует забыть; 4) забвение как отказ от прежнего мира, т. е. мира, который потерян для нас навсегда. Такой тип забвения является условием обретения новой идентичности. Если с помощью третьего типа забвения от травмы можно избавиться, хотя бы на время, то четвертый тип забвения сохраняет травму, напоминая о чудовищной и невозполнимой потере прошлого мира. Травма подобного рода будет с нами всегда как основание нашей новой идентичности: я уже не тот, кем был раньше, и этот новый мир непереносим для меня из-за утраты прежнего бытия. Другими словами, я не есть, но я знаю, кем был. Такое забвение как конструктивный элемент памяти о травме является началом конституирования новой идентичности и коллективной памяти. Память начинается с забвения, вызванного «болью Прометея». В таком забвении прошлое из объекта «желания быть» трансформируется в объект «желания знать», именно так рождается история, стремящаяся преодолеть разрыв между бытием и знанием. «Прошлое будет следовать за нами, как ушедшая любовь: отсутствующая, но именно в силу этого всегда так крайне мучительно присутствующая в нас» [1, с. 444]. Таким образом, историческая память – это пространство исторического повествования, репрезентации, прерывающееся разрывами-забвениями – травмами, выступающими точками отсчета для нового самоописания, в котором «боль Прометея» становится морским узлом, привязывающим нас к прошлому.

Историческая память не статична, а динамична. Для раскрытия ее динамичной природы обратимся к концепции немецкого историка и культуролога Алейды Ассман. Память – это не просто совокупность воспоминаний, а пространство, в котором только и возможно осуществление меморативных актов. «Коммуникативная память возникает в определенном социальном

окружении, в непосредственной пространственной близости, благодаря регулярной интерактивности, общему образу жизни и совместному опыту. Личные воспоминания существуют не только в определенном социальном окружении, но и внутри специфического горизонта времени. Этот временной горизонт задается сменой поколений, которая происходит с периодом около сорока лет, заметно изменяя мемориальный характер общества» [3, с. 217]. Такой горизонт поколенческой памяти, включающий не только три поколения и сложную систему коммуникаций, сводит многообразные и фрагментарные, подчас противоречивые индивидуальные воспоминания в целостность коллективного опыта. Поколенческая память осуществима и действенна только в границах понимания, обусловленных темпоральной природой переживаний. Например, смена поколений превращает насыщенное опытом «настоящее прошлого» поколения участников войны не в «чистое прошлое», а в «настоящее прошлое» следующих поколений, опосредованное уже не биографическим опытом, а знанием и ценностными установками, т. е. прошлое не просто актуализируется в настоящем, а становится реальностью сегодняшнего дня [3, с. 222].

Коллективная память – это транспоколенческая, социальная, долговременная память общества. Память и коллектив взаимно обуславливают друг друга. «Коллективная память – это политическая память... она управляется извне и характеризуется сильной гомогенезацией» [3, с. 223]. Картография этого типа памяти более сложная, чем коммуникативной: она представляет собой пространство напряженности между позициями «победители и побежденные», «жертвы и преступники». Коллективная память функционально двойственна: с одной стороны, она выступает цементирующими основами нации, с другой стороны, она взрывоопасна, так как придает историческому воспоминанию «прочность идеологического фундамента», который при смене политических элит может превратиться в пространство насилия (например, современные «мемориальные войны»). Вместе с тем, помнят историю и побежденные, проигравшие, лишённые права ее озвучить, но транслирующие ее посредством символических образов. При ломке политического строя, социальной трансформации противостояние памяти победителей и побежденных опасно развязыванием нового конфликта, к сожалению, подчас не только в пространстве «точек памяти», но и на поле боя. В отличие от памяти побежденного, память жертвы необязательно сопровождается ненавистью и жадой реванша. Ее конститутивным ядром выступает коллективная травма,

память о которой является основанием коллективной идентичности. Напротив, память преступника, хотя и связана с сильнейшим эмоциональным аффектом, конституируется желанием забыть: «насколько просто помнить о чужой вине, настолько же трудно сохранять память о вине собственной» [3, с. 227]. Получается, что необходимо помнить всегда о том, что нечто следует забыть.

Метатеоретическим уровнем коммуникативной и коллективной памяти выступает, согласно мысли А. Ассман, культурная память. Ее содержанием является весь комплекс наследия символических форм. В форме институтов, посредством которых культурная память сохраняет и транслирует символические формы, выступают система образования и науки, медиасистема и методы интерпретации. Носителями культурной памяти выступают такие артефакты, как тексты, картины, скульптуры, памятники, праздники, ритуалы, обычаи. Все это составляет культурное наследие, которое нуждается в постоянной интерпретации и обновлении и подлежит освоению посредством обучения. Главным специфическим отличием культурной памяти от двух рассмотренных выше типов является ее способность обеспечивать устойчивость совместного опыта и воли, что, в свою очередь, позволяет всем членам общества осуществлять коммуникацию в долгосрочной исторической перспективе. Таким образом, культурная память исторична, она не только связывает поколения и включает в процесс коммуникации с прошлым, она делает сообщество историчным, творящим настоящее и будущее из прошлого. Даже если значимые артефакты культурной памяти разрушаются (например, разрушение Пальмиры и т. п.), то сам акт разрушения и зафиксированный образ разрушенного становятся конститутивными элементами памяти, зафиксированными в ней как след посредством той боли, какое принесло само разрушение. Отзвук боли от утраты предстает как символическая форма наследия, которое вызывает не только к сохранению, но и трансляции последующим поколениям. «В памяти остается лишь то, что не перестает причинять боль» [3, с. 110].

Исходя из концепции исторической памяти А. Ассман, правомерно сделать вывод о диалектичности памяти, ее осуществлении в пространстве скрещивания памятования и забвения [4]: память – забвение – память. Справедливы слова Джорджа Сантяны о том, что «кто не помнит своего прошлого, обречен пережить его вновь» [3, с. 32]. С другой стороны, как писал Эрнест Ренан, то, что члены общества вместе забывают или хотят забыть, служит основой национальной идентичности [5, с. 25]. Анализируя приведенные немецкой исследовательницей различные типы забвения и

их техники [3, с. 14–20], обратим внимание на динамику исторической памяти между каноном и архивом. Например, «сберегающее забвение» является условием вхождения в архив в отличие от канона как функциональной памяти общества, который осваивается каждым поколением заново. Архив содержит следы и реликты прошлого, не являющиеся содержанием активной исторической памяти. Задача сберегающего забвения как основы архива – «обеспечить предпосылки для того, чтобы в будущем говорили о настоящем, когда настоящее само сделается прошлым» [3, с. 35]. Другими словами, это своеобразный «зал ожидания истории».

Другой пример связан с «селективным забвением», которое является для памяти фильтром, отбирающим только то, что обладает значимостью для идентичности и памятования. Такая функция забвения, с точки зрения А. Ассман, значима для экономики памяти и ее селективных критериев. Ссылаясь на идеи Ф. Ницше об истории и памяти, немецкая исследовательница подметила и другую особенность селективного забвения, связанную с моральными аспектами: «когда необходимо сохранить собственное лицо, на помощь гордости приходит забвение» [3, с. 41]. Такой тип забвения позволяет человеку надеяться на прощение, что открывает возможность для активной социальной деятельности. Существование селективного забвения свидетельствует о том, что только то, что помещено в определенные рамки, получает социальное признание и фиксируется в памяти. «Пока для истории и событий нет рамок памяти, они остаются неслышанными. Им не уделяют внимания и не придают значения, поэтому они исчезают незамеченными и не вызвавшими интереса. <...> Только через изменение рамок памяти общество может воспринять отторгавшееся раньше воспоминание» [3, с. 43]. В таком контексте историческая память и рамки памяти оказываются важны для осуществления мемориальной политики.

А. Ассман особое внимание уделяет карающему и репрессивному забвению, осуществляющемуся путем символического уничтожения противника, подвергнутого опале [3, с. 44]. Такое забвение тождественно стиранию имени человека, уничтожению его как личности, поэтому оно может быть расценено как тяжелейшее наказание. В то же время такое забвение парадоксально в том плане, что оно вызывает повышенный интерес к человеку, который должен быть вычеркнут из памяти. Для того чтобы продемонстрировать специфику перформативного противоречия этого типа забвения, А. Ассман ссылается на роман Дж. Оруэлла «1984», в котором показано, как посредством репрессивного, деструктивного забвения совершается фальсификация истории ради того, чтобы легитимировать и упрочить власть.

Цель такого забвения – остановить историю, упрочить власть настоящего как монументальности вечного, показать безвременность политической власти. Для достижения этой цели репрессивное забвение реализуется через переписывание истории, уничтожение памятников, подмену понятий, различного рода фальсификации. В начале XXI в. все так же значимы и действенны слова Дж. Оруэлла: «Кто управляет прошлым, тот управляет будущим; кто управляет настоящим, тот управляет прошлым» [6].

Репрессивное забвение правомерно отождествить со структурным насилием. Сходство между ними заключается в том, они подразумевают скрытые формы цензуры, работающие через ограничение доступа к общественным и культурным ресурсам, т. е. создают ситуацию, при которой одни голоса слышны и поэтому имеют возможность быть вписанными в историю, а другие нет. В отличие от репрессивного, «конструктивное забвение» имеет своей целью придать человеку сил и мужества снова противостоять негативным обстоятельствам несмотря на разочарование или отчаяние. Такой тип забвения направлен на преодоление страданий и утрат и «является основой для интеллектуальных инноваций, для изменения идентичности и для новых политических начинаний» [3, с. 52]. Созвучным конструктивному является и «терапевтическое забвение», дающее возможность оставить бремя прошлого позади с помощью покаяния и признания вины и двигаться дальше.

Заключение. В качестве заключительного вывода отметим, что представленные подходы к определению и раскрытию сущности диалектической исторической памяти в концепциях Ф. Р. Анкерсмита и А. Ассман, несмотря на наличие концептуальных различий, схожи в том, что определяют этот тип памяти как результат социального конструирования, который в большей степени подобен процессу культурно-исторического творчества, а также является результатом как личностного, так и группового принятия «живого» прошлого, а не его застывшего образа в акте решительного принятия судьбы своего народа как собственной жизненной проекции. Историческая память действительна только в диалектической связке с забвением (как единство и борьба противоположностей). Забвение не позволяет памяти превратиться в монументальную неизменность, а память наделяет забвение творческим импульсом: стремлением не забыть то, что забывается. Диалектическая взаимосвязь исторической памяти и забвения – это творческий процесс, открывающий для человека возможность быть причастным к традициям и судьбе своего народа.

Список литературы

1. Анкерсмит Ф. Р. Возвышенный исторический опыт. М.: Изд-во «Европа», 2007. 612 с.
2. Сидоренко И. Н. Историческая память как объект насилия // Трансформация исторического сознания молодежи в обществе риска: сб. ст. Междунар. науч. конф. / под ред. В. Б. Устьянцева [и др.]. Липецк; Тамбов, 2014. С. 31–41.
3. Ассман А. Забвение истории – одержимость историей. М.: Новое лит. обозрение, 2019. 552 с.
4. Ассман А. Длинная тень прошлого: Мемориальная культура и историческая политика. М.: Новое лит. обозрение, 2014. 328 с.
5. Ренан Э. Что такое нация? // Собрание сочинений: в 12 т. Киев, 1902. Т. 6. С. 87–101.
6. Оруэлл Дж. 1984: роман; Скотный двор: сказка-аллегория. М.: АСТ, 2013. 349 с.

References

1. Ankersmit F. R. *Vozvyshennyi istoricheskiy opyt* [The Sublime Historical Experience]. Moscow, Yeuropa Publ., 2007. 612 p. (In Russian).
2. Sidorenko I. N. Historical memory as an object of violence. *Transformatsiya istoricheskogo soznaniya molodezhi v obshchestve riska: sb. st. Mezhdunar. nauch. konf.* [Transformation of historical consciousness of young people in the risk society: collection of articles of the international scientific conference]. Ed. by V. Ust'yantsev [et al.]. Lipetsk; Tambov, 2014, pp. 31–41 (In Russian).
3. Assman A. *Zabveniye istorii – oderzhimost' istoriyey* [Oblivion of history – obsession with history]. Moscow, Novoye literaturnoye obozreniye Publ., 2019. 552 p. (In Russian).
4. Assman A. *Dlinnaya ten' proshlogo: Memorial'naya kul'tura i istoricheskaya politika* [The Long Shadow of the Past: Memorial Culture and Historical Politics]. Moscow, Novoye literaturnoye obozreniye Publ., 2014. 328 p. (In Russian).
5. Renan E. *Chto takoye natsiya? Sobraniye sochineniy: v 12 t.* [What is a nation? Collected Works: in 12 vol.]. Kyiv, 1902, vol. 6, pp. 87–101 (In Russian).
6. Orwell J. *1984: roman; Skotnyy dvor: skazka-allegoriya* [1984: novel; Animal Yard: tale-allegory]. Moscow, AST Publ., 2013. 349 p. (In Russian).

Информация об авторе

Сидоренко Ирина Николаевна – доктор философских наук, доцент, заведующий кафедрой философии культуры. Белорусский государственный университет (220050, г. Минск, ул. Кальварийская, 9, Республика Беларусь). E-mail: Iri_na2000@rambler.ru

Information about the author

Sidorenko Irina Nikolayevna – DSc (Philosophy), Assistant Professor, Head of the Department of Philosophy of Culture. Belarusian State University (9, Kal'variyskaya str., 220050, Minsk, Republic of Belarus). E-mail: Iri_na2000@rambler.ru

Поступила 23.02.2023